

Организация крепостной обороны низовьев и устья Амура накануне Русско-японской войны (1895—1904 гг.)

Роман Сергеевич Авиллов,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: avilov-1987@mail.ru

В статье на основе неизвестных ранее материалов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Государственного архива Хабаровского края (ГАХК) анализируется дискуссия 1895—1904 гг. о масштабах необходимого для защиты низовьев и устья р. Амур оборонительного строительства, а также практическое воплощение последнего. Установлено, что проблема защиты указанного района накануне Русско-японской войны 1904—1905 гг. остаётся практически неисследованной. После Японо-китайской войны 1894—1895 гг. вопрос обеспечения безопасности низовьев и устья р. Амур от возможного проникновения в реку кораблей неприятеля снова привлёк к себе внимание местных и центральных военных властей. Было принято решение о строительстве береговых батарей на мысах Чныррах и Мео, а также об организации минной обороны Амура. Однако при реализации утверждённых в 1896 г. оборонительных планов возникла острая дискуссия между командованием округа и военным министром А.Н. Куропаткиным, лично побывавшим в Николаевске-на-Амуре в 1903 г. В результате наиболее важные с точки зрения министра оборонительные сооружения до начала войны так и не возвели, орудия — не доставили. Высказанные А.Н. Куропаткиным идеи по организации обороны реки посредством строительства лишь нескольких сильных артиллерийских батарей были впоследствии использованы уже в советское время. **Ключевые слова:** Дальний Восток России, Приамурский военный округ, Амур, Русско-японская война 1904—1905 гг., А.Н. Куропаткин.

The Organization of the Fortification Defense of the Lower Amur and the Amur Estuary before the Russo-Japanese War (1895—1904).

Roman Avilov, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: avilov-1987@mail.ru.

Basing on the unknown sources from the Russian State Military Historical Archive (RSMHA), the State Archive of the Russian Federation (SA RF) and the State Archive of the Khabarovsk Region (SAKR), this paper analyses the discussion from 1895 to 1904 about the necessary fortifications and their implementation

in order to protect the Lower Amur and the Amur River Estuary. It is found out that the problem of the defense of this territory before the Russo-Japanese War of 1904—1905 has remained unexplored. After the Sino-Japanese War of 1894—1895, the security issue of the Lower Amur and the Amur River Estuary on possible penetration of the enemy ships attracted attention of the regional and central military authorities. It was decided to build coastal artillery batteries on Chnirrah and Meo capes and to create a mine defense of the Amur river. The plan had been approved in 1896, but during the realization of defensive units a fierce dispute happened between the Military District Command and War Minister A.N. Kuropatkin, who visited Nikolayevsk-on-Amur in 1903. As a result, the most important fortifications from the Minister's point of view were not built and new guns were not delivered before the war. However, his ideas about the organization of the river defense and construction of several artillery batteries were implemented during the Soviet period.

Keywords: Russian Far East, Priamur Military District, Amur, the Russo-Japanese War of 1904—1905, A.N. Kuropatkin.

Несмотря на не ослабевающий уже более полутора веков интерес исследователей к Амурскому вопросу, история обеспечения безопасности низовьев и устья р. Амур не является предметом их постоянного внимания. Наиболее показательна в этом отношении историография Николаевской-на-Амуре крепости, которая, по сути, состоит всего из трёх научных статей [2; 3; 7] и нескольких конференционных докладов [5]. При этом защите Амура от возможного проникновения противника на мелкосидящих судах из Татарского пролива через устье реки придавалось большое значение не только в Российской империи, но даже в СССР до 1950-х гг., причём преемственность в дискуссии о способах организации данной обороны была налицо. Неисследованной остаётся и проблема защиты низовьев и устья Амура накануне Русско-японской войны 1904—1905 гг. Вопрос организации обороны этого района фортификационными средствами в 1903—1904 гг. последний раз всерьёз затрагивался в публикации 1910 г. [6, с. 530—533], а оборонительное строительство 1894—1902 гг. не исследовалось вообще. Между тем имевшая место накануне и в годы Русско-японской войны дискуссия по проблеме обороны р. Амур оказала огромное воздействие на постановку и решение вопросов военно-оборонительного строительства в регионе, как в имперский, так и в советский период. Поэтому цель статьи — осветить дискуссию по проблеме обороны низовьев и устья Амура фортификационными средствами, продолжавшуюся с начала Японо-китайской войны 1894—1895 гг. до Русско-японской войны 1904—1905 гг., и показать практическое воплощение результатов этой дискуссии в ходе оборонительного строительства.

Необходимость обороны входа в р. Амур власти осознали ещё в Крымскую войну 1853—1856 гг., когда были поставлены первые береговые батареи для противодействия возможным попыткам проникновения в реку англо-французской эскадры. После подписания в 1860 г. Пекинского догово-

вора опасения стала вызывать в первую очередь безопасность Уссурийского края, на который и сместился фокус внимания Военного министерства. Возможность операций противника в устье Амура рассматривалась, но они оценивались как вспомогательные. Поэтому оборону данного района начинали совершенствовать только в период резкого ухудшения внешнеполитической ситуации, грозившего скорым открытием военных действий на российском Дальнем Востоке: в годы Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. (угроза удара британского ВМФ); во время русско-китайского Кульджинского кризиса 1879—1881 гг. (китайская угроза); в период разрешения так называемого Савеловского вопроса в русско-китайских отношениях 1882—1886 гг. и решавшейся одновременно проблемы разграничения русской и британской сфер влияния в Средней Азии и Афганистане (угроза войны с Китаем и Британской империей одновременно), а также Японо-китайской войны 1894—1895 гг. (угроза войны с Японией) [1, с. 15—57, 98—112; 4, с. 33—191].

Последняя война стала рубежом, обозначившим поворот внешней политики России на восток, рост внимания к проблеме обеспечения безопасности дальневосточных территорий империи, а также активизацию местного военного начальства, обеспокоенного существенной диспропорцией между возможностями потенциального противника и оборонительным потенциалом Приамурского военного округа. Одной из крупнейших «дыр» в обороне округа были низовья и устья Амура, войдя в который, противник вполне мог добраться на мелкосидящих судах не только до Николаевска, но даже до Хабаровска — центра Приамурского генерал-губернаторства.

«Оборона устьев реки Амура у города Николаевска состоит их 2-х батарей, построенных ещё в старые времена на мысах Чныррах и Мео, в сложности имевших 24 орудия. В настоящее время вооружение находится только на мысе Чныррах, с батареи Мео вооружение снято.

Чныррахское укрепление находится в устье реки в 13 верстах ниже Николаевска, но оно ни по постройке своей ни, в особенности, по вооружению — совершенно не удовлетворяют современным требованиям и ожидают значительных изменений. Хотя с переводом нашего военного порта укрепления Николаевска и утратили своё первоначальное значение, всецело перешедшее к Владивостоку, тем не менее этот пункт нельзя оставлять без внимания. Оборонять вход в такую реку, как Амур, доступную для плавания канонерок и разных других небольших военных судов, всё таки необходимо. При полной возможности подниматься вверх по Амуру до самого Хабаровска, при безлюдности страны и отсутствии войск, неприятельские суда могут наделать много хлопот, угрожая отсюда нашему тылу и различным сооружениям и самой линии строящейся железной дороги.

Приведение в надлежащий вид обороны устьев Амура не потребует особенно значительных затрат. Необходимо будет усовершенствовать укрепление на Чныррахе, заменить старые гладкие пушки, имеющиеся на нём, новыми дальнобойными орудиями и заготовить средства для минного заграждения реки», — докладывал 19 июня 1895 г. Командующий войсками Приамурского военного округа С.М. Духовской императору Николаю II [РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 866. Л. 131—132].

В апреле — мае 1895 г., из-за вмешательства России в ход завершавших Японо-китайскую войну 1894—1895 гг. Симоносекских мирных переговоров, в Приамурском военном округе была объявлена мобилизация и началось экстренное приведение в полную боевую готовность всех оборонительных сооружений, в том числе на р. Амур [1, с. 98—107; 4, с. 149—158]. Последнее осложнялось невозможностью оперативной доставки новых орудий из Европейской России как минимум до окончания постройки железной дороги. В результате «для обороны устья Амура имели ввиду, пользуясь существующим вооружением и добавлением к нему шести 6-дюймовых мортир, доставленных для сего из Владивостока, усилить существующую, крайне слабую, оборону настолько, чтобы овладение г. Николаевском сделать для противника более или менее затруднительным, сопряжённым с известными жертвами. Оборону решено было расположить близ мыса Чныррах. С этой целью был командирован инженерный офицер, и открыт кредит на расходы, приём рабочих, назначены были от 6-го [Восточно-Сибирского] линейного батальона, а определение нужных работ по укреплению, равно по заграждению фарватера минами возложено на комиссию под председательством Начальника Николаевского отряда», причём работа эта продолжилась (за исключением постановки минных заграждений) и летом 1895 г., уже после окончания мобилизации [РГВИА. Ф. 846 ВУА. Оп. 3. Д. 86. Л. 39 об. — 40]. Всего на укрепление обороны устья р. Амур в 1895 г. было ассигновано по чрезвычайному кредиту 30 тыс. руб., на которые на м. Чныррах перестроили пушечную батарею и возвели вчерне мортирную (на шесть мортир). К концу года укрепления в устье Амура состояли из трёх батарей: двух (пушечная и мортирная) на м. Чныррах и одной — на м. Мео, в общей сложности на 30 орудий. Вооружение имелось только на одной пушечной батарее на м. Чныррах [РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 867. Л. 48 об. — 49, 59 об.].

К 1 января 1896 г. на вооружении Николаевских батарей находилось пушек: нарезных стальных заряжающихся с казённой части батарейных дальнобойных — 4; нарезных медных заряжающихся с дула 12-фунтовых батарейных — 6; гладкоствольных 3-пудовых бомбовых заряжающихся с дула — 14; а также 6-дюймовых медных мортир заряжающихся с дула — 6. Кроме того, в складах Николаевской крепостной артиллерийской команды было пушек: 36-фунтовых чугунных гладкостенных — 7, 3-фунтовых медных горных — 4. При этом последние хотя и предназначались для формирования в военное время вылазочных батарей, но являлись уже снятыми с вооружения как безнадёжно устаревшие. К состоящим на лицо орудиям в Николаевске имелось 33 лафета и станка разных систем, ещё 7 лафетов хранилось на упомянутом складе. Снарядов было: к нарезным орудиям и мортирам — 3501, к гладкостенным орудиям и мортирам — 7779 [РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 867. Л. 45 об. — 47].

За год эти показатели изменились незначительно. К 1 января 1897 г. на вооружении Николаевских батарей пушек гладкоствольных 3-пудовых бомбовых заряжающихся с дула значилось уже на 7 меньше — всего 7, поскольку ещё 7 сняли с вооружения и отправили на склад Николаевской крепостной артиллерийской команды. К состоящим на лицо орудиям Николаевских

укреплений имелось 25 лафетов: полевых конструкции 1877 г. — 5; деревянных батарейных конструкции 1895 г. — 6; системы чиновника Андреева — 8; системы Дорошенко — 6. Ещё 19 находились на складе. Снарядов было: к стальным и медным пушкам — 9564, к 6-дюймовым с дула заряжающимся мортирам — 2079, 3-дюймовых светящихся ракет имелось 300, а также к 3-фунтовым горным пушкам: гранат — 168, картечных гранат — 168, картечей — 56. Суммарное количество орудий (30) и батарей (3) на укреплениях устья р. Амур за 1896 г. не изменилось, зато было поставлено вооружение на пушечной батарее Мео. Мортирная батарея на м. Чныррах по-прежнему оставалась невооружённой [РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 868. Л. 38 об.].

В январе 1896 г. вопрос об инженерной обороне низовьев и устья Амура рассматривался в Особом совещании под председательством начальника Главного штаба Н.Н. Обручева. Выработанные на нём предложения в дальнейшем рассматривались уже в Комиссии по вооружению крепостей [РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 868. Л. 39]. Поэтому в 1897 г. возведение оборонительных сооружений в устье р. Амур велось в соответствии с утверждённым в 1896 г. «Общим планом обороны крепости Владивосток и Тихоокеанского побережья». Относительно рассматриваемого района документ предусматривал лишь «улучшение батарей в устье Амура» [РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 871. Л. 56—57]. Главное же, что в 1897 г. на Амур, наконец, прибыли орудия для перевооружения батарей: 14 стальных заряжающихся с казённой части нарезных 8-дюймовых пушек образца 1867 г. (10 для Чныррахской пушечной и 4 для Меосской), 4 нарезных медных 9-фунтовых пушки (2 для Чныррахской пушечной) и 10 нарезных заряжающихся с казённой части стальных 8-дюймовых мортир образца 1867 г. (для 2 мортирных батарей на м. Чныррах: 6-орудийной и 4-орудийной), что давало «возможность усилить и фортификационную оборону входа в эту реку». Главнейшими оборонительными работами в 1897 г. стали: «приспособление» Чныррахской батареи для постановки 10 доставленных 8-дюймовых пушек, постройка двух сараев для материальной части при Чныррахской и Меосской батареях и деревянных складов для хранения пороха у м. Чныррах.

Таким образом, к 1 января 1898 г. оборонительные сооружения в устье Амура состояли из двух батарей на м. Чныррах (одна перестроена для постановки десяти 8-дюймовых пушек, другая — мортирная, на шесть 8-дюймовых мортир — не окончена) и одной батареи старого типа на м. Мео, где ещё стояли семь гладкоствольных 3-пудовых бомбовых заряжающихся с дула пушек. «Имея ввиду крайнюю ограниченность средств, назначенных на оборонительные работы в устье р. Амура, — докладывал Николаю II Командующий войсками Приамурского военного округа Н.И. Гродеков, — а также и то, что присланное вооружение впоследствии предположено заменить более современным, батареи проектированы временного типа, без всяких бетонных сооружений. В связи с минным заграждением, эти батареи могут оказать надлежащее сопротивление тем небольшим неприятельским судам, которые могли бы появиться в этой местности с целью форсировать проход» [РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 871. Л. 59—60 об.].

Всего к 1 января 1898 г. на Николаевских укреплениях было пушек: стальных заряжающихся с казённой части нарезных 8-дюймовых образца

1867 г. — 14; нарезных стальных заряжающихся с казённой части батарейных дальнобойных — 4; нарезных медных 9-фунтовых — 4; нарезных медных заряжающихся с дула 12-фунтовых батарейных — 6; гладкоствольных 3-пудовых бомбовых заряжающихся с дула — 7, а также нарезных заряжающихся с казённой части стальных 8-дюймовых мортир образца 1867 г. — 10. Кроме того, в складах Николаевской крепостной артиллерийской команды имелись орудия «нештатных калибров»: 6-дюймовых медных мортир заряжающихся с дула — 6; пушек 36-фунтовых чугунных гладкостенных — 6 («подлежат обращению в лом металла»); пушек 3-фунтовых медных горных — 4 («назначены на случай формирования вылазочных батарей»); пушек гладкоствольных 3-пудовых бомбовых заряжающихся с дула — 7 («сняты с вооружения»). К орудиям в Николаевске имелось 47 лафетов и станков разных систем, ещё 25 — хранилось на упомянутом складе. Снарядов было всего 17 784 [РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 871. Л. 51 об. — 53].

К 1 сентября 1898 г. оборону низовьев и устья Амура составляли:

1. Чныррахская батарея (пушечная), уже перевооружённая десятью 8-дюймовыми стальными и двумя 9-фунтовыми пушками, фактически перестроенная под новые орудия заново.
2. Старая Меосская батарея (пушечная), вооружённая четырьмя 8-дюймовыми стальными пушками, достраивалась.
3. Две мортирные батареи: одна на шесть, другая на четыре 8-дюймовые мортиры. На первой орудия уже стояли, а на второй находились в процессе установки. Кроме того, на каждой батарее было по две полевых 9-фунтовых пушки в качестве пристрелочных.
4. Для сухопутной обороны: 6-дюймовых мортир заряжающихся с дула — 6; 12-фунтовых медных пушек — 6; вылазочная батарея в составе четырёх горных пушек.
5. Минные заграждения.

Указанные батареи в период 1899—1902 гг. постепенно достраивались и довооружались.

Гарнизон укреплений состоял из 6-го Восточно-Сибирского линейного батальона, доведённого до тысячного состава, Николаевской крепостной артиллерийской команды, которую сразу по окончании строительства для неё казарм предполагалось развернуть в Николаевскую крепостную артиллерийскую роту усиленного состава (450 чел.), и Амурской минной роты (98 чел.) [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2412. Л. 1].

Переформирование Николаевской крепостной артиллерийской команды в одноимённую крепостную артиллерийскую роту началось в том же году и завершилось к 25 января 1899 г. [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1901. Л. 37—39 об.; Ф. 1558. Оп. 6. Д. 3. Л. 22 об.]. 4 июля 1900 г. последовало высочайшее соизволение сформировать крепостной двухбатальонный полк и поставить его в Николаевск, на место 6-го Восточно-Сибирского линейного батальона, который надлежало притянуть в Хабаровск для последующего развёртывания в стрелковый полк [ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 202]. 10 ноября того же года сформированный в Европейской России Николаевский крепостной батальон, предназначенный для обороны устья р. Амур, прибыл во

Владивосток [ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 430, 445]. В дальнейшем он был переброшен в Николаевск, из которого вывели линейный батальон.

В 1898 г. оборона устья р. Амур была усилена установкой на батареях доставленных из Европейской России орудий, причём начатые ещё в 1897 г. работы потребовали значительно больших ассигнований, чем те, которые выделили на основании соображений Особого совещания в 1896 г., хотя «все батареи были проектированы безусловно временного характера». К концу года «пушечные батареи на м. Чныррах и м. Мео вполне закончены, за исключением последней батареи, требующей некоторой отделки. Мортирные-же, хотя и требуют ещё довольно значительных работ для приведения их в окончательный вид, но орудия уже поставлены и есть ниши для снарядов и зарядов. Характер постройки батарей — временный. Относительная разбросанность их заставила организовать в тылу батарей сухопутную оборонительную линию, в виде опорных пунктов усиленной полевой профили, с окопами и искусственными препятствиями, расчистить местность впереди этой линии и провести позиционные дороги. По разработке этих соображений выполнение их намечено в ближайшем будущем. Самые батареи решено улучшить и отчасти усилить постановкой на некоторых из них пристрелочных орудий, что и будет исполнено весной 1899 года», — докладывал Николаю II Н.И. Гродеков. Таким образом, за 1898 г. перестройка одной батареи была завершена, а двух mortarных — начата, хотя орудия удалось поставить и на них [РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 872. Л. 62—64, 69].

В том же году, для исследования вопроса об устройстве минных заграждений для усиления обороны устья Амура, летом и осенью «были произведены всесторонние изыскания, давшие довольно ценный материал, особенно по отношению к направлению, ширине и глубине фарватера вблизи батарей. Гребные суда Амурской минной роты уже готовы, и можно вполне рассчитывать, что в текущем году оборона устья р. Амура станет на твёрдую почву и со стороны устройства заграждений, если будут высланы мины, о чем уже сделано представление» [РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 872. Л. 62—64].

К 1 января 1899 г. в Николаевске находилось всего стальных нарезных заряжающихся с казённой части пушек: 8-дюймовых образца 1867 г. — 14; батарейных дальнобойных — 4; медных 9-фунтовых с казны заряжающихся образца 1867 г. — 4; медных 12-фунтовых с дула заряжающихся — 6; 3-фунтовых медных горных, назначенных на случай формирования нештатной вылазочной батареи, — 4, а также стальных нарезных заряжающихся с казённой части mortar — 10. К этому времени оборонительные сооружения в устье Амура включали уже четыре батареи — три на м. Чныррах (1 пушечная и 2 mortarные) и одну на м. Мео (пушечная) — в общей сложности на 24 орудия. «Вооружение стоит на всех батареях» [РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 872. Л. 53, 59].

К 22 апреля 1900 г. вооружение укреплений устьев р. Амур в Николаевске состояло из четырёх батарей уже на 28 орудий. Кроме того, для сухопутной обороны и обстрела минных заграждений имелось пушек: 16 медных 9-фунтовых и ещё 4 медных 3-фунтовых горных на случай формирования нештатной артиллерийской батареи. В числе орудий на береговых батареях было 14 8-дюймовых пушек, их предполагалось заменить на 6-дюймовые

в 190 пудов пушки (на основании Журнала комиссии по вооружению крепостей № 349 от 12 октября 1899 г.), ходатайство о скорейшей отправке которых на Дальний Восток уже было возбуждено [РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 873. Л. 13—14; Ф. 846 ВУА. Оп. 3. Д. 96. Л. 20 об.]. Проектировалась также «постройка тыльного полевого укрепления для защиты с сухопутной стороны и одной батареи временной профили для обстреливания минных заграждений» [РГВИА. Ф. 846 ВУА. Оп. 3. Д. 96. Л. 20 об.].

При этом дискуссии по проблеме обороны низовьев и устья реки продолжались, нормальной табели укреплений устьев Амура не было выработано, и к 30 июня 1901 г., по переходной табели, на батареях близ Николаевска состояли всё те же 48 орудий (28 на батареях и 20 для обороны минных заграждений) устаревших систем и, как докладывал Николаю II Н.И. Гродеков, «артиллерия эта, ещё менее совершенна, чем Владивостокская». Инженерные работы в этом году не велись, так как все инженеры были отвлечены от плановых работ Китайским походом 1900—1901 гг. [РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 874. Л. 8 об. — 9].

По плану ускоренной мобилизации, в 1899—1900 гг. в случае необходимости Николаевские укрепления должны были быть готовы к действию через шесть часов, а гарнизон Николаевска — на четвёртый день по объявлении мобилизации. Командование Приамурского военного округа полагало, что в случае начала войны с Японией основными театрами военных действий для войск округа станут Южная Маньчжурия или Корея, а Приморская область будет второстепенным. Отмечалось: хотя японцы, может, «из осторожности, ограничатся занятием одной Кореи... но численность их армии позволяет предполагать, что, одновременно с занятием Корейского полуострова, они начнут операции на Ляодуне, выставив отряд к Мукденю и демонстрируя в то же время флотом против Владивостока, у Николаевска и Сахалина (в период навигации)» [РГВИА. Ф. 846 ВУА. Оп. 3. Д. 96. Л. 5, 15—16]. Иными словами, в Хабаровске полагали, что если низовья и устье р. Амур и станет театром военных действий, то только вспомогательным.

К 1903 г. ситуация практически не изменилась, однако оставлять указанный район недостаточно укреплённым было весьма рискованно, поскольку в конце 1902 г. даже военный министр А.Н. Куропаткин признавал: после окончания постройки КВЖД Амур не утратит своего значения важнейшей коммуникационной линии [ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 68. Л. 121]. Соответственно, безопасность реки на случай военных действий следовало надёжно обеспечить.

К началу войны вся оборона низовьев и устья Амура состояла лишь из системы Николаевских укреплений, которые находились в достаточно запущенном состоянии, финансировались по остаточному принципу (после Порт-Артура и Владивостока), а их гарнизон был недостаточен и плохо обучен. Никаких положительных изменений не ожидалось, пока в крепость неожиданно не прибыл в 1903 г. сам А.Н. Куропаткин, совершавший поездку по Дальнему Востоку [1, с. 204—208].

До Николаевска-на-Амуре он добирался из Владивостока морем на крейсере 1-го ранга «Аскольд», с остановкой 19 мая в зал. Де-Кастри, где

военный министр осмотрел пост и пересел на пароход Восточного пароходства «Мукден» [РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1935. Л. 31—34]. К Николаевску подошли примерно в два часа пополудни, однако прежде чем отправиться в город А.Н. Куропаткин посетил батарею Мео, где его никто не ждал: «С батареи, где были нижние чины, никто не вышел, чтобы встретить нас. Точно все спрятались. Нашёл на батарее запущение. Старые неубранные чугунные орудия, станки, масса гнилого лесного материала, ямы, старые лафеты, трава, мусор — всё это производит тяжёлое впечатление. Охраняет команда в 8 нижних чинов из Николаевского крепостного ба[тальо]на и 2 артиллериста. Стоят 4 — 8" (здесь и далее " — дюйм. — *Р.А.*) орудия. Никто твёрдо своих обязанностей не знает. Старший уверен, что из 8" орудий можно с успехом действовать и на 7 вёрст» [РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1935. Л. 34—35].

Осмотр личного состава батареи показал, что наружный вид нижних чинов, прибывающих из Николаевска раз в 15 дней вместе с провизией (наполовину солонина) на весь период дежурства, «не дурной». Генерал А.Н. Куропаткин констатировал: несмотря на крайне запущенное состояние, эту батарею нужно сохранить и привести в порядок, поскольку она имеет значение тыловой обороны на случай прорыва мелкосидящих судов противника мимо м. Чныррах на левом берегу р. Амур, где стояла одноимённая батарея. Её существенным недостатком было то, что «с прилегающих к батарее крутых высот вся внутренность батареи обнаруживается» [РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1935. Л. 35].

Далее военный министр посетил г. Николаевск, где проинспектировал гарнизон, «передал войскам Царский привет и благодарность за службу» и принял небольшой парад войск гарнизона. Проверка мобилизационной готовности выявила, что мобилизационного плана «не оказалось, если не считать нескольких листков, составленных адъютантом и никем не подписанных. Ещё печальнее оказалось, что никто до сих пор не думал о необходимости объединить все силы вместе и назначить задачи. Артиллеристы живут сами по себе, Минёры сами по себе. Никто не знает, что ему предстоит делать». А.Н. Куропаткин поручил командиру Николаевского крепостного пехотного батальона «с сегодняшнего числа считать себя по вопросам подготовки к бою (и мобилизационным) начальником артилл[ерийской] части и минной роты без вмешательства в учебную и хозяйственную части» и немедленно решить проблему отсутствия мобилизационного плана [РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1935. Л. 35 об. — 37].

21 мая военный министр устроил войскам гарнизона двухсторонний маневр с целью проверки значения Чныррахской позиции и, в том числе, доступов к Сигнальной и Владимирской высотам. Результаты были использованы им при формулировании собственной точки зрения на оборону Николаевска. Более того, А.Н. Куропаткин постарался лично осмотреть местность по обоим берегам реки. В результате относительно боевого значения как уже возведённых, так и предполагаемых к постройке укреплений он существенно разошёлся во мнении с местным военным начальством. Военный министр констатировал, что, хотя левый берег Амура имеет большее значение, чем правый, для преграждения доступа к Николаевску приоритет у отмели

между м. Чныррах и р. Таракановкой. На этой отмели местное начальство и предполагало возвести батарею, но предыдущий (в 1898—1902 гг.) Командующий войсками округа Н.И. Гродеков отклонил проект как слишком дорогой, с чем согласились и в Петербурге. Сделанные зимой 1902—1903 гг. исследования грунта и проектные расчёты определили стоимость сильной батареи в 138 тыс. руб., при том что, согласно местному проекту, подписанному начальником инженеров округа Н.Ф. Александровым, общая стоимость работ по крепости на 5 лет была определена в 875 тыс. руб. (только на расчистку леса отводилось 100 тыс. руб.).

От батареи на отмели до левого берега Амура было 1100 сажен, до правого — 1000 сажен. Именно на этой отмели А.Н. Куропаткин посчитал необходимым поставить сильную батарею в восемь 6-дюймовых орудий, причём хотя бы половину из них следовало разместить в закрытых бетонных помещениях. Ей же придать два пристрелочных орудия, которые будут защищать и минное заграждение, выставляемое в фарватере реки. Батарею «делать сомкнутою, безопасною от атаки открытою силою и придать ей пехотный гарнизон 50—60 чел. (1 взвод при офицере). Снабдить двойным комплектом снарядов, четверным патронов, двух-месячным запасом продовольствия, казематированными помещениями. Батарея эта должна держаться даже в том случае, если оба берега и Николаевск будут взяты противником» [РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1935. Л. 40—42].

На оборону левого берега р. Амур у А.Н. Куропаткина тоже был особый взгляд, отличный от местного проекта, предусматривавшего устройство нескольких батарей, двух опорных пунктов и непрерывной ограды почти в три версты длиной. Расчётная стоимость работ составляла около 600 тыс. руб. Военный министр находил, что возводить все эти укрепления не нужно: можно ограничиться занятием Владимирской и Сигнальной вершин с целью обеспечить м. Чныррах, «где надо перестроить батарею, дабы помогать батарее на отмели и обстреливать минное заграждение», отказавшись от занятия высот: Преображенской, «Опасной» (расположенную на ней батарею Б следовало упразднить) и А. На Владимирской и Сигнальной высотах А.Н. Куропаткин предлагал поставить по сильному бетонному блокгаузу на 50—60 стрелков и два пулемёта каждый, снабжённых водой, патронами (в очень большом количестве, по 1500 на винтовку и 10 000 на пулемёт) и продовольствием. Оба блокгауза должны быть безопасны от атаки открытой силой. «Эти два блокгауза составят защиту с сухого пути батареи Чныррахской. Эту последнюю полагал бы вооружить 4—3-х дюймовыми скорострельными орудиями с двойным комплектом зарядов. Батарея должна быть сделана сомкнутою, безопасною от атаки открытою силою, иметь 50—60 стрелков, с патронами по 1500 на винтовку. Батарея будет иметь значение встречной и кинжальной¹ для мелких судов и в то же время она вместе с стрелками будет защищать минное заграждение. К стороне высот

¹ Кинжальный огонь — производимый на очень близком расстоянии, открываемый по противнику внезапно, с заранее подготовленных и тщательно замаскированных позиций, которые враг не должен был суметь обнаружить. Кинжальные артиллерийские батареи предназначались для ведения такого огня.

Сигнальной и Владимирской до высоты озера, т.е. на 600—700 шагов надо вырубить лес и образовать хороший обстрел. Даже потеряв блокгаузы на высотах Сигнальной и Владимирской на батарее Чныррах можно будет продолжать сопротивление», — заключал А.Н. Куропаткин [РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1935. Л. 42 об. — 45].

Оборону правого берега Амура военный министр предлагал ограничить постройкой батареи на два-четыре 3-дюймовых скорострельных орудия, с гарнизоном в 50—60 стрелков, снабжённой аналогично вышеуказанным и тоже безопасной от атаки открытой силой. Задачи — те же, что и у Чныррахской батареи. Однако относительно места расположения батареи на правом берегу Амура А.Н. Куропаткин «не мог окончательно дать заключение» [РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1935. Л. 45—45 об.].

«Таким образом, — резюмировал военный министр, — мною предполагается достаточным иметь три батареи и два блокгауза с вооружением в 6—8 орудий 6" Канэ и 8 орудий полевых 3^х дюймовых, 4 пулемёта и 2 пристрелочных орудия. Никаких мортир не требуется. Гарнизон 200—240 человек стрелков. Число орудий заменить их качеством. Как минимальное — готов идти на 4 орудия 6" и 4 орудия 3^х дюйм., но обильно снабжённые снарядами. И эта сила, если она будет *укрыта* бетоном, если будут поставлены мины, если атака открытою силою станет невозможна, может надолго остановить противника, ибо с особо большими судами и силами он и не пойдёт в Николаевск, так как операция против Николаевска всегда будет иметь второстепенное значение». При этом решении остальные четыре роты Николаевского крепостного батальона, усиленные четырьмя 3-дюймовыми скорострельными орудиями, не будут привязаны к укреплениям, а составят подвижную силу [РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1935. Л. 45 об. — 47 об.].

Пока же проект будет приводиться в исполнение, А.Н. Куропаткин считал необходимым батареи мортирную на Владимирской высоте и Чныррахскую «обеспечить временными мерами с горжи, сделать вал, установить сети проволочные. Батарею Б надо упразднить теперь же. Батарею Мео пока, до возведения батареи на отмели оставить» [РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1935. Л. 47 об. — 48].

Самое удивительное, что А.Н. Куропаткин признал необходимость иметь в Николаевске общего военного начальника, который «ведал бы все части, силы и средства, здесь собранные» [РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1935. Л. 48 об. — 49], о чём местное начальство ходатайствовало с 1892 г. [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2412. Л. 1—7]. После отъезда министра не утверждённый ещё официально начальник обороны устьев р. Амур немедленно принялся за выполнение распоряжений по безотлагательному разоружению расположенной у берега ниже м. Чныррах четырёхорудийной батареи 190-пудовых пушек (средней пушечной батареи), испросив разрешение вышестоящего начальства поставить данные орудия на нижнюю Чныррахскую батарею, взамен четырёх 8-дюймовых пушек с разбитым каналом. Примерно тогда же в Николаевск прибыл помощник начальника артиллерии округа генерал-майор Н.И. Холодовский. Осмотрев местность, ознакомившись с расположением укреплений и состоянием имевшегося на них вооружения, он признал такую

замену невыгодной, отменил распоряжение военного министра и представил Командующему войсками округа собственные заключения по обороне Амура, которые по ряду позиций существенно расходились с указаниями А.Н. Куропаткина. Обсуждение предложенных обоими мер продолжилось уже на уровне окружного командования.

Ознакомившийся со всеми соображениями Д.И. Субботич явно склонялся на сторону Н.И. Холодовского, но самостоятельно нарушить прямые распоряжения министра не решался и 29 июля 1903 г. обратился за новыми указаниями в столицу. Поскольку к тому времени уже было создано Дальневосточное наместничество, на которое возложили решение всех вопросов по управлению и обороне российского Дальнего Востока, все материалы по данному вопросу 15 сентября 1903 г. начальник Главного штаба В.В. Сахаров отослал из Петербурга обратно на Дальний Восток назначенному незадолго до этого Наместником Его Императорского Величества на Дальнем Востоке Е.И. Алексееву. Последний же передал их в Комиссию по обороне Квантунской области, заседавшую в Порт-Артуре [6, с. 532, 830—831].

24 октября 1903 г. комиссия, «имея ввиду, что современное вооружение имеющихся в устье р. Амура укреплений находится в весьма неудовлетворительном состоянии и что всякие перемены в распределении орудий, не влияя существенно на силу укреплений, поведут лишь к непроизводительной трате времени и средств» [6, с. 532, 830], признала, что впредь до отправки для укрепления устья реки нового вооружения следует оставить их в том положении, в котором они находились до посещения крепости военным министром, и снова поставить снятые по приказанию А.Н. Куропаткина со средней пушечной батареи четыре 6-дюймовые в 190 пудов пушки на прежнее место. После этого комиссия наметила устройство трёх новых батарей для обстрела фарватера Амура и трёх сомкнутых укреплений для обороны с сухого пути, высказалась за сохранение батареи Мео и мортирных батарей на Владимирской и Сигнальной горах, а также признала излишним рекомендованное военным министром занятие правого берега реки напротив Чныррахских укреплений. Констатировалась и недостаточность гарнизона крепости, в связи с чем комиссия наметила новые формирования для полевой артиллерии, рекомендовала увеличить число пулемётов [6, с. 532, 830]. Основной вывод комиссии: при невозможности (отсутствии финансовых средств) достаточно хорошо обеспечить сухопутную оборону Чныррахских укреплений в фортификационном отношении, эту оборону следует основать главным образом на подвижных частях гарнизона крепости.

Указанные постановления были сообщены Е.И. Алексеевым в столицу 5 ноября 1903 г., однако вплоть до начала Русско-японской войны 1904—1905 гг. никакого решения по данным проектам принято не было [6, с. 533, 830]. В этой связи всю деятельность по инженерному укреплению низовьев и устья Амура попросту заморозили: выполнение указаний А.Н. Куропаткина приостановили, реализацию распоряжений Н.И. Холодовского не начинали, с деталями постановления Комиссии по обороне Квантунской области в Приамурском военном округе вообще знакомы не были.

Лишь 5 февраля 1904 г. А.Н. Куропаткин направил Наместнику Его Императорского Величества на Дальнем Востоке письмо, в котором признал «настоятельно необходимой» немедленную постройку указанной им во время визита в г. Николаевск батареи на отмели, поскольку считал её «укреплением первостепенной важности». Тогда же он отдал распоряжение о скорейшей высылке в крепость артиллерийским ведомством всех орудий, необходимых для вооружения [6, с. 533, 830]. Естественно, в необходимые сроки построить батарею не успели.

По сути, из-за неповоротливости военно-бюрократического аппарата империи в Николаевске-на-Амуре повторили стандартную ошибку: решение о возведении наиболее важных оборонительных сооружений принималось с большой задержкой в самый последний момент, в связи с чем к началу кампании их не успели не только закончить, но даже начать строить. Аналогичная ситуация имела место во Владивостоке и в Порт-Артуре.

Таким образом, канун Русско-японской войны 1904—1905 гг. стал переломным моментом в разработке концепции обороны низовьев и устья Амура. При посещении этого района А.Н. Куропаткин сделал важный вывод о том, что, при невозможности, из-за труднопроходимой местности, вести активные боевые действия большими массами войск вдоль реки, для предотвращения проникновения неприятеля на мелководных судах в её устье достаточно возвести лишь несколько мощных артиллерийских батарей. Строительство же каких-либо крупных фортификационных сооружений с пехотным гарнизоном, по условиям местности, представляется избыточным, а значит и ненужным. Несмотря на разработку многочисленными комиссиями проектов подобных сооружений в период между Русско-японской и Первой мировой войнами, последние по причине бесконечных дискуссий и хронической нехватки финансовых средств так и не были достроены, а в советское время развитие обороны этого района пошло по пути, намеченному А.Н. Куропаткиным, чему во многом способствовало знакомство советских военных инженеров с наработками их имперских коллег.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. 1. «Назло надменному соседу». 1860—1905 гг. Владивосток: Дальнаука, 2013. 384 с.
2. Авилов Р.С. Проблема разработки и осуществления проектов обороны низовьев и устья р. Амур в 1906—1914 гг. Ч. 1. Комиссии при Особом Совещании Совета Государственной обороны // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 36—49.
3. Авилов Р.С. Проблема разработки и осуществления проектов обороны низовьев и устья р. Амур в 1906—1914 гг. Ч. 2. Решение Особого Совещания СГО и сложности его реализации // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 36—48.
4. Авилов Р.С. Развитие военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке (1865—1895 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2013. 243 с.

5. Горнова М.И. Структура обороны Нижнего Амура (на примере Николаевской-на-Амуре крепости) // Восьмые Гродековские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2015. С. 24—29.
6. Русско-японская война 1904—1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны: в 9 т. Т. 1. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1910. 857 с.
7. Самарин И.А. Оборона устья Амура в годы Русско-японской войны // Краеведческий бюллетень. 1997. № 4. С. 79—96.
8. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).
9. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
10. РГВИА (Рос. гос. воен.-ист. арх.).

REFERENCES

1. Avilov R.S., Ajushin N.B., Kalinin V.I. Vladivostokskaya krepost: voiska, fortifikatsia, sobytia, liudi [Vladivostok Fortress: Troops, Defenses, Events, Persons]. Ch. 1. "Nazlo nadmennomu sosedu". 1860—1905 gg. [Part 1. "To Spite Haughty neighbour". 1860—1905]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2013, 384 p. (In Russ.)
2. Avilov R.S. Problema razrabotki i osushhestvleniya proektov oborony nizovev i ustya r. Amur v 1906—1914 gg. Ch. 1. Komissii pri Osobom Soveshhanii Soveta Gosudarstvennoj oborony [Problems of the Development and Implementation of the Defence Project of the Lower Amur and its Mouth in 1906—1914. Part 1. The Commissions of the Special Consultation of the State Defense Council]. *Tomsk State University Journal*, 2017, no. 415, pp. 36—49. (In Russ.)
3. Avilov R.S. Problema razrabotki i osushhestvleniya proektov oborony nizovev i ustya r. Amur v 1906—1914 gg. Ch. 2. Reshenie Osobogo Soveshhaniya SGO i slozhnosti ego realizatsii [Problems of the Development and Implementation of the Defence Project of the Lower Amur and its Mouth in 1906—1914. Part 2. The Decision of the Special Consultation of the State Defense Council and Problems with Its Implementation]. *Tomsk State University Journal*, 2017, no. 416, pp. 36—48. (In Russ.)
4. Avilov R.S. *Razvitie voenno-sukhoputnykh sil Rossii na Dal'nem Vostoke (1865—1895 gg.)*: dis. ... kand. ist. nauk [The Development of the Russian Ground Forces in the Far East (1865—1895). PhD in History]. Vladivostok, 2013, 243 p. (In Russ.)
5. Gornova M.I. Struktura oborony Nizhnego Amura (na primere Nikolaevskoy-na-Amure kreposti) [The Structure of the Lower Amur Defense (a Case Study of the Nikolayevsk-on-Amur Fortress)]. *Vos'mye Grodekovskie chteniya: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [The Eighth Grodekov's Readings: Proceedings of the International Applied Research Conference]. Khabarovsk, Khabarovskiy kraevoy muzey im. N.I. Grodekova Publ., 2015, pp. 24—29. (In Russ.)
6. *Russko-yaponskaya voyna 1904—1905 gg. Rabota voenno-istoricheskoy komissii po opisaniyu Russko-yaponskoy voyny: v 9 t. T. 1. Sobytiya na Dal'nem Vostoke, predshestvovavshie voyne, i podgotovka k etoy voyne* [The Russo-Japanese War of 1904—1905. The Report of the Military Historical Commission on the Description of the Russo-Japanese War: 9 Volumes. Vol. 1. The Events before the Russo-Japanese War and Preparation for the War]. Saint Petersburg, Tip. A.S. Suvorina Publ., 1910, 857 p. (In Russ.)
7. Samarina I.A. Oborona ust'ya Amura v gody Russko-yaponskoy voyny [The Defense of the Amur River Estuary during the Russo-Japanese War]. *Kraevedcheskiy byulleten'*, 1997, no. 4, pp. 79—96. (In Russ.)